

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

*К 135-летию Томского
государственного университета*

**ПРОФЕССОРСКО-
ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКИЙ
КОРПУС РОССИЙСКИХ
УНИВЕРСИТЕТОВ**

1884–1917 гг.:

ИССЛЕДОВАНИЯ И ДОКУМЕНТЫ

Под редакцией М.В. Грибовского, С.Ф. Фоминых

Издательство Томского университета
2012

УДК 94(47).083:378.4

ББК 74.58я2

П 84

Профессорско-преподавательский корпус российских
П 84 университетов. 1884 – 1917 гг.: Исследования и документы / Науч.
ред. М.В. Грибовский, С.Ф. Фоминых. – Томск: Изд-во Том. ун-та,
2012. – 372 с.

ISBN 978-5-7511-2030-6

Сборник статей и документальных материалов посвящен профессорско-преподавательскому корпусу дореволюционных университетов Российской империи. Сборник состоит из двух разделов. Первый раздел представляет собой статьи современных отечественных историков из Москвы, Санкт-Петербурга, Томска, Йошкар-Олы, исследующих различные стороны профессиональной и общественной жизни представителей университетской профессорско-преподавательской корпорации России конца XIX – начала XX в. Во второй раздел включены тематические документальные материалы (правительственные документы, официальная переписка, отчеты, справки, протоколы заседаний, частные письма, воспоминания) по названной теме. Материалы сборника адресованы как профессиональным историкам, так и всем читателям, интересующимся прошлым отечественной высшей школы.

УДК 94(47).083:378.4

ББК 74.58я2

Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ МК-1850.2010.6

ISBN 978-5-7511-2030-6

© Томский государственный университет, 2012

64. Кожевников А.Б. Филантропия Рокфеллера и советская наука // Вопросы истории естествознания и техники. 1993. № 2.

65. Forman P. Scientific Internationalism and the Weimar Physicists: the Ideology and Its Manipulation in Germany after World War I // ISIS. Vol. 64. 1973.

66. Сорокина М.Ю. «Придать... импозантный характер». О праздновании 200-летнего юбилея Академии наук в 1925 г. // Природа. 1999. № 12.

67. Schroeder-Gudehus B. Internationale wissenschaftsbeziehungen und auswärtige Kulturpolitik 1919–1933. Vom Boykott und Gegenboykott zu ihrer Wiederaufnahme // Forschung im Spannungsfeld von Politik und Gesellschaft: Geschichte und Struktur der kaiser-Wilhelm/ Max-Planck-Gesellschaft. Stuttgart, 1990.

68. Crawford E. Nationalism and Internationalism in Science, 1880–1939. Four Studies of the Nobel Population. Cambridge (Mass.), 1992. (Chap. 3: Internationalism in Science as a Causalty in World War I).

М.В. Лоскутова

**СЪЕЗДЫ РУССКИХ ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЕЙ
И ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКИЙ КОРПУС
УНИВЕРСИТЕТОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
(1860–1910-е гг.)***

Возникшие в Западной Европе после наполеоновских войн съезды ученых были неотъемлемой частью институционализации научной деятельности и формирования академических сообществ в рамках различных дисциплин. Съезды также играли важную роль в переносе и распространении научного знания, в приобщении к научному знанию образованного общества, в установлении связей между «центром» и «периферией» науки [1, р. 241–282; 2; 3, р. 153–188; 4, р. 385–415]. В предлагаемой вниманию читателя статье рассматриваются съезды русских естествоиспытателей и врачей – крупнейший форум в области естественных наук, сложившийся в Российской империи в конце 1860-х гг. и просуществовавший до начала Первой мировой войны. До настоящего времени в литературе съезды русских естествоиспытателей рассматривались лишь как отдельные эпизоды научно-общественной деятельности того или иного исследователя – систематический же анализ состава участников, насколько известно, пока не предпринимался [5, с. 95–119]. Между тем подобный анализ позволил бы лучше понять многие процессы, происходившие в российской науке в рассматриваемый период. Так, изучение состава участни-

*Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 10-06-00093а.

ков дает возможность увидеть роль отдельных ученых и научных центров в создании академических сообществ, в популяризации научного знания, а также указывает на степень интеграции университетов империи в единое научное пространство в тот период, когда университеты Российской империи, безусловно, являлись ведущими научными центрами страны [6, с. 32–64].

Подобно многим другим научным институтам, общенациональные (или, точнее, общеимперские) съезды возникли в России с известным опозданием по сравнению с Западной Европой. Съезды русских естествоиспытателей и врачей, равно как и русские археологические съезды, были продуктом эпохи «Великих реформ» 1860-х гг. Сам замысел проведения периодических съездов естествоиспытателей принадлежал, как известно, профессору Карлу Федоровичу Кесслеру (1815–1881). Эта мысль возникла у него еще в конце 1850-х гг. В следующем десятилетии К.Ф. Кесслер становится одним из наиболее энергичных проводников этой идеи, которая в итоге была принята Министерством народного просвещения (МНП). Первый съезд русских естествоиспытателей собрался в Петербурге в конце декабря 1867 – начале января 1868 г., причем Петербургский университет, где К.Ф. Кесслер в этот период был профессором по кафедре зоологии, выступил основным организатором этого собрания [7, 8, 9].

Замысел проведения подобных съездов был позаимствован К.Ф. Кесслером и его коллегами в странах Западной Европы. Российские естествоиспытатели были достаточно хорошо знакомы с подобными конгрессами в немецких государствах и Швейцарии. Однако более всего их вдохновлял пример Британской ассоциации содействия науке (BAAS - British Association for Advancement of Science) с ее ежегодными публичными собраниями – существование постоянно действующего объединения научной общественности представлялось российским ученым наиболее привлекательной чертой британских съездов [10]. Уже на первых съездах русских естествоиспытателей К.Ф. Кесслер и некоторые его коллеги из Петербургского и Московского университетов (Н.А. Любимов, Г.Е. Щуровский, А.С. Фаминцын) настойчиво проводили мысль о создании подобной общенациональной ассоциации деятелей науки в России, однако эта часть их планов так никогда и не была реализована, хотя сама идея неоднократно обсуждалась на этих собраниях [11, с. 1–4 2-й паг., 1–4 5-й паг.; 12, с. XLIX–

XLX, 69; 13, с. 5–9]. Следует отметить, что неудачу в осуществлении этого проекта в 1860–1870-е гг. нельзя объяснять лишь известной подозрительностью МНП по отношению к любой независимой общественной инициативе: внимательное чтение опубликованных протоколов заседаний съездов позволяет предположить, что сами университетские профессора и преподаватели в своей массе достаточно прохладно отнеслись к предложению о создании ассоциации русских деятелей науки. Как известно, I съезд русских естествоиспытателей ходатайствовал перед правительством об учреждении обществ естествоиспытателей при университетах империи (к тому времени подобное общество функционировало лишь при Московском университете). Это ходатайство было удовлетворено, и в 1868–1869 гг. при Петербургском, Казанском, Харьковском, Новороссийском университетах и университете св. Владимира в Киеве были учреждены общества естествоиспытателей [14]. На следующем, II съезде известный петербургский ботаник А.С. Фаминцын (1835–1918) предложил сделать следующий шаг по объединению этих обществ – он, в частности, предлагал им совместно публиковать свои «Труды» как единое издание. Однако это предложение не было поддержано съездом [11, с. 1–4 5-й пагин.]. Не вызвало сочувствия у участников VI съезда и предложение зоолога Н.П. Вагнера «об организации научных ассоциаций для разработки сложных вопросов» – именно потому что оно было воспринято собравшимися как стремление ограничить свободу научного творчества и независимость отдельных ученых в выборе темы исследования [15, с. 39–47, 246, 349–350, 123–124 2-й пагин., 150 2-й пагин.].

Вплоть до Первой мировой войны устроителями съездов русских естествоиспытателей выступали университеты при финансовой поддержке, поступавшей в основном от МНП. Министерство в известной степени поощряло профессоров и преподавателей подведомственных ему высших и средних учебных заведений участвовать в съездах, предоставляя им командировки и даже в иных случаях оплачивая проезд [16]. Однако аудитория съездов не исчерпывалась служащими МНП: членом съезда мог быть «всякий, кто научно занимается естествознанием» [17, с. 1]. Здесь необходимо сразу же оговорить: под «членами» съезда понимались все зарегистрированные участники, заплатившие относительно небольшой (3 рубля) взнос в кассу съезда и тем самым по-

лучившие право посещать его заседания, экскурсии и другие мероприятия, проходившие в рамках программы [17, с. 1]. Число докладчиков было, естественно, значительно меньше. В голосовании по разным вопросам, выносившимся на обсуждение съезда, участвовали не все «члены», а лишь некоторая их часть, отвечавшая более строгим формальным критериям: «...только ученые, напечатавшие самостоятельное сочинение или исследование как по естественным, так и по другим... наукам, а также и преподаватели сих наук при высших и средних учебных заведениях...» [17, с. 1]. С самых первых съездов эти форумы привлекли к себе значительное число лиц, не принадлежавших к университетской среде. Уже на первых двух съездах, состоявшихся соответственно в Петербурге (конец декабря 1867 – начало января 1868 г.) и Москве (1869), число членов достигло нескольких сотен человек. В следующем десятилетии, когда съезды вышли за пределы двух столиц, переместившись в другие университетские города империи – Киев (1871), Казань (1873) и Варшаву (1876), число участников несколько снизилось, однако возвращение VI съезда в Петербург в 1879 г. ознаменовалось мощным ростом его аудитории. Рост продолжился и в последующие десятилетия, хотя каждый раз, когда естествоиспытатели и врачи собирались за пределами двух столиц – в Одессе (VII съезд, 1883), Киеве (X съезд, 1898) или в Тифлисе (последний, XIII съезд, 1913), – аудитория заметно сокращалась. К началу XX в. число членов съездов достигло колоссальных масштабов, превысив несколько тысяч человек.

Без сомнения, большинство участников за свою жизнь лишь однажды присутствовало на съезде русских естествоиспытателей. Так, по нашим подсчетам, из приблизительно 2580 участников, зарегистрированных на первых шести съездах в совокупности, лишь около 16 % (или примерно 420 человек) участвовали в двух и более таких конгрессах. В последующем это соотношение принципиально не менялось: так, к X съезду через эти собрания прошло не менее 7400 человек¹, однако из них лишь около 17 % (или приблизительно 1260 участников) участвовали более чем в одном съезде.

¹ Действительное число всех участников съездов с I по X должно быть больше этой цифры, поскольку по VII съезду, состоявшемуся в Одессе в 1883 г., мы не располагаем списком зарегистрированных членов.

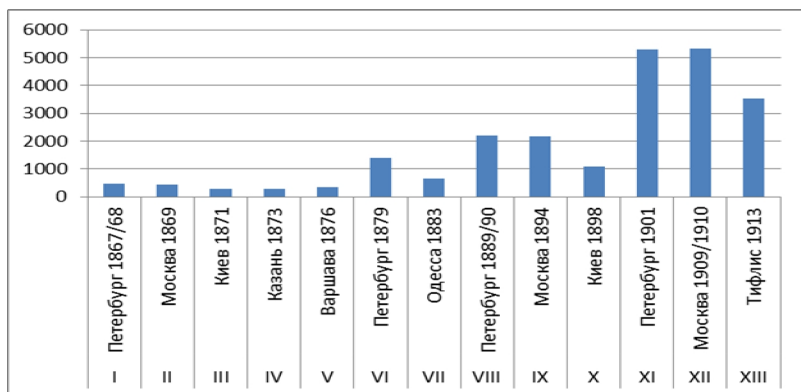

Рис. 1. Число зарегистрированных участников съездов русских естествоиспытателей и врачей

Источники: Труды первого съезда русских естествоиспытателей в Санкт-Петербурге, происходившего с 28 декабря 1867 по 4 января 1868 г., СПб., 1868. С. XV–XXXIV; Второй съезд... С. 1–21; Труды III съезда русских естествоиспытателей в Киеве, происходившего с 20 по 30 августа 1871 г. Киев, 1873. С. 11–23; Список членов IV съезда русских естествоиспытателей. Казань, 1873; Труды V съезда русских естествоиспытателей и врачей в Варшаве, происходившего с 31 августа по 9 сентября 1876 г. Ч. 1. Варшава, 1877. С. 4–16; Речи и протоколы VI съезда... С. 1–33; VIII съезд... С. IV–XXX; Дневник IX съезда русских естествоиспытателей и врачей. № 1. М., 1894. С. 22–55; № 3. С. 15–24; № 5. С. 23–32; № 10. С. 52–62; Высочайше утвержденный X съезд русских естествоиспытателей и врачей в Киеве. Киев, 1898.

Первоначально предполагалось, что съезды русских естествоиспытателей будут собираться регулярно с периодичностью раз в два года (Второй съезд, с. 2 3-й пагин., с. 10–12 4-й пагин.) и в 1870-е гг., однако уже концу 1870-х гг. предложенный темп стал замедляться, а в 1880-е гг. пауза между VII и VIII съездами достигла шести лет. В 1890-е гг. регулярность собраний удалось восстановить, но в следующем десятилетии ритм сбился снова: после XI съезда в Петербурге (1901) потребовалось почти десять лет, чтобы российские естествоиспытатели снова встретились в Москве (декабрь 1909 – январь 1910 г.). Причины этих сбоев в проведении съездов до сих пор не известны. Паузу 1880-х гг. еще можно объяснить общим консервативным политическим климатом в стране – сложнее предложить объяснение для начала XX в. – периода быстрого роста учебных заведений, численности учащихся и преподавателей средней и высшей школы, становления новых научных дисциплин. Возможно, как раз значительный рост ауди-

тории съездов поставил под угрозу их существование: собрания, привлекавшие до нескольких тысяч людей, безусловно, грозили стать малоуправляемыми, а задачи популяризации научного знания все более входили в противоречие с ужесточающимися требованиями к специализации научного знания. Очевидно, какую-то роль играл здесь и процесс институционального оформления и разграничения новых научных дисциплин: в первые десятилетия XX в. в Российской империи возникают научные съезды гораздо более скромного масштаба, посвященные проблемам какой-то одной из естественных наук – метеорологии, энтомологии, прикладной геологии [18, 19]. Поэтому так трудно ответить на вопрос о том, имели ли съезды русских естествоиспытателей какую-то перспективу, или к 1914 г. они уже были на грани распада и на смену им должны были прийти специализированные съезды по отдельным дисциплинам, как это и произошло в советской России в 1920-е гг.

К сожалению, имеющиеся данные о профессиональной или институциональной принадлежности зарегистрированных участников недостаточно полны, однако на их основании можно сделать вывод о том, что профессора и преподаватели высшей школы Российской империи составляли около четверти участников первых съездов естествоиспытателей и это соотношение не претерпело существенных изменений в последующем, за исключением некоторого временного сокращения доли преподавателей высшей школы на VI съезде в Петербурге (1879). Другой относительно стабильной группой среди аудитории были преподаватели средней школы и различных учебных заведений, готовивших учительские кадры (в этой категории лидировали, безусловно, учителя мужских гимназий и реальных училищ МНП): эта группа составляла около 15–20 % членов съездов. Наконец, уже на первых съездах, в конце 1860-х – 1870-е гг., т.е. еще до того, как в название съездов официально вошло слово «врачи»¹, значительная часть аудитории состояла из медиков - врачей, фармацевтов и ветеринаров. Присутствие медиков стало особенно заметно на VI съезде в Петербурге, где их доля в общем составе участников превысила 30 %. Действительно, есть основания предполагать, что первая волна роста числа зарегистрированных членов, которая пришлась как раз на этот съезд, была по крайней мере отчасти связана с активизацией именно этой профессиональной группы.

¹ Впервые оно появилось в названии V съезда в Варшаве в 1876 г.

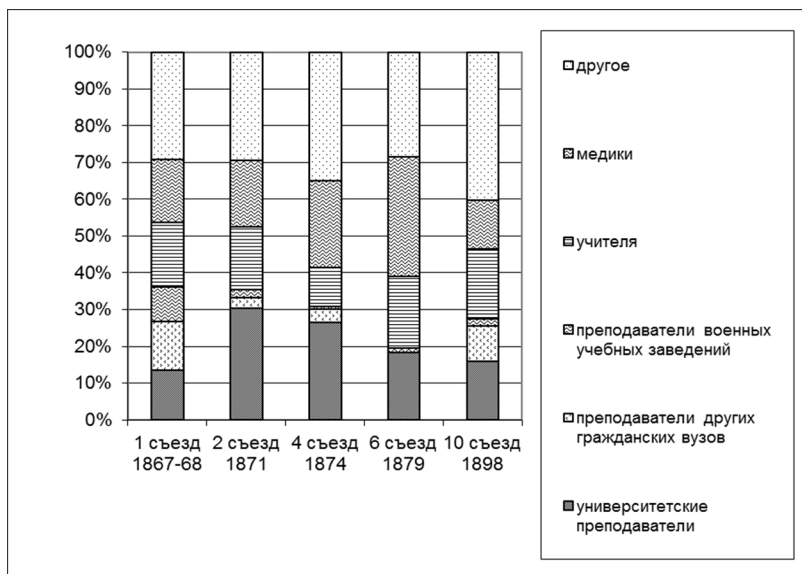

Рис. 2. Профессиональный состав или институциональная принадлежность участников съездов русских естествоиспытателей

Примечание: Данные по составу участников VI съезда не позволяют провести различие между преподавателями университетов и других гражданских высших учебных заведений, поэтому на диаграмме эти две категории представлены как единая группа.

Аудитория первых двух съездов естествоиспытателей состояла исключительно из мужчин, хотя Высочайше утвержденное Положение не содержало на этот счет никаких запретов и ограничений. Только на III съезде (Киев, 1871) среди участников впервые появилась женщина – некая Анна Волкова, приехавшая из Петербурга и зарегистрировавшаяся по секции химии. Ее появление открыло дорогу другим: на следующем съезде в Казани (1873) среди собравшихся присутствовало несколько дам и девиц. Однако в 1870-е гг. женщины на съездах русских естествоиспытателей еще чувствовали себя очень неуверенно: на V съезде в Варшаве (1876) их число вновь сократилось до двух, и лишь на VI съезде в Петербурге (1879) женщины впервые составили заметную группу (61 участница из 1407 зарегистрированных членов). При этом рост числа женщин-участниц съездов отставал от общего увеличения аудитории. «Прорыв» произошел десятилетие спустя, на VIII съезде в Петербурге (1889–1890): здесь численность представительниц прекрасного пола возросла

почти в три раза, а их доля в составе зарегистрированных членов увеличилась с 4,3 до 9,6 %. На следующем съезде в Москве (1894) эта тенденция подтвердилась, но перенос X съезда в провинцию (Киев, 1898), по всей видимости, в большей мере отпугнул женщин, чем мужчин, на этом съезде не только в два раза упала общая численность членов, но и доля дам и девиц сократилась до 5,1 %. Как легко предсказать, участницы женского пола тяготели к менее точным наукам – таким, как география или антропология, в то время как они были недостаточно представлены в секциях физики, математики и химии¹.

Как и во многих других странах, в России женщины поначалу довольствовались скромной ролью слушательниц. Первой женщиной-докладчицей и одновременно председательствующей на заседании своей секции стала Софья Михайловна Переяславцева (1851–1903) – выпускница Цюрихского университета, позднее завоевавшая известность как специалист в области зоологии морских животных. На VI съезде в Петербурге она выступила с докладом по зоологии [20]. На IX съезде в Москве появилась еще одна участница, выступившая с докладом – это была Мария Васильевна Павлова (1854–1938), жена крупного российского геолога Алексея Павлова, окончившая Сорбонну и впоследствии сама ставшая крупным палеонтологом [21, с. 78–80]. Но и позднее, на XII съезде в Москве среди 478 докладчиков было лишь десять женщин [22].

Хотя по меркам иных западноевропейских стран появление женщин на съездах естествоиспытателей произошло достаточно поздно, однако в контексте Российской империи эти съезды ничуть не проигрывали другим публичным научным собраниям. Действительно, именно к такому выводу приводит сопоставление аудитории съездов русских естествоиспытателей с составом участников русских археологических съездов – другого общеимперского форума, собиравшего представителей научной общественности, специализировавшихся в гуманитарных дисциплинах. Русские археологические съезды стали собираться в тот же период, что и съезды естествоиспытателей (I археологический съезд состоялся в Москве в 1869 г.), собирались они даже с большей регулярностью вплоть до начала Первой мировой войны (последний XV съезд состоялся в 1911 г. в Новго-

¹ Под недостаточной представленностью мы понимаем ситуацию, когда доля участников той или иной категории в составе одной секции ниже доли участников той же категории среди всех членов съезда.

роде). Показательно, что на русских археологических съездах первые женщины среди участников появились позднее, чем у естествоиспытателей, в 1881 г. в Тифлисе на V археологическом съезде. В дальнейшем их присутствие здесь (если оценивать его как долю от общей численности участников) было вполне сопоставимо с естественнонаучными форумами [23, с. XI–XII; 24, с. LIII–LXII; 26, с. 32–42 2-й паг.].

Как уже отмечалось выше, устроителями съездов естествоиспытателей выступали университеты – это обстоятельство определяло выбор места проведения этих собраний. За исключением самого последнего, XIII съезда, все предыдущие прошли в университетских центрах Российской империи. Вполне предсказуемо, что чаще всего съезды естествоиспытателей собирались в Петербурге (1867–1868, 1879, 1889–1890, 1901), следом шла вторая столица империи – Москва (1869, 1894, 1909–1910); дважды эти форумы российской науки принимал Киев (1871 и 1898) и по одному разу съезды прошли в Казани (1873), Варшаве (1876) и Одессе (1883). В этом отношении встречи естествоиспытателей и врачей заметно отличались от русских археологических съездов. Начало последним также было положено в столицах – первый археологический съезд состоялся в Москве (1869), а второй в Петербурге (1871), затем последовали Киев (1874) и Казань (1877). Позднее археологические съезды иногда возвращались в университетские города (Одесса в 1884, Москва в 1890, Киев в 1899, Харьков в 1902). Однако с 1880-х гг. их география заметно расширилась – археологи собирались в Тифлисе (1881), Ярославле (1887), Вильне (1893), Риге (1898), Екатеринославе (1905), Чернигове (1908) и Новгороде (1911) [26, с. 100–101].

Заметно более длинный перечень городов, принимавших археологические съезды, можно связать с тем, что это были более скромные по численности участников форумы – даже в 1910-е гг. число собравшихся не превышало у археологов трехсот человек. Главное же, организатором археологических съездов выступали не университеты, а общественная организация – Императорское Московское археологическое общество [21, с. 99]. Возможно, сыграло роль и другое обстоятельство: по крайней мере с 1890-х гг. выбор места проведения следующего археологического съезда в значительной степени определялся тем, где в этот момент находился «эпицентр» полевых исследований, где в ходе раскопок были обнаружены самые интересные находки [26, с. 100–101]. Что же касается съездов русских естество-

воиспытателей, то, как показывают изученные материалы, их устроители стремились в первую очередь продемонстрировать лаборатории и музейные коллекции – экскурсии в поле, за редкими исключениями, не были предусмотрены программой. Весьма показательно, когда на голосование ставился вопрос о месте проведения следующей встречи, секции химии и математики обычно высказывались за Петербург, в то время как ботаники или зоологи более склонны были поддержать мысль о смене места проведения в пользу другого города [23, с. 66–68; 15, с. 281 1-й паг., с. 26, 74, 123–124, 169, 238 2-й паг.].

Выбор места проведения съезда во многом определял состав аудитории. Безусловно, большинство зарегистрированных участников постоянно проживали в том городе, где собирался этот съезд. Поэтому жители университетских городов значительно активнее участвовали в этих собраниях, нежели население других губернских и уж тем более уездных центров империи. И все-таки на всех съездах достаточно большая часть аудитории состояла из провинциалов (под провинцией здесь и далее мы будем понимать все населенные пункты за исключением столиц и университетских городов). Естественно, место проведения того или иного съезда было значимым фактором, определявшим географию участников: эти форумы были своего рода магнитом, притягивавшим к себе не только университетских преподавателей и студентов со всей России, но и жителей близлежащих уездов и губерний.

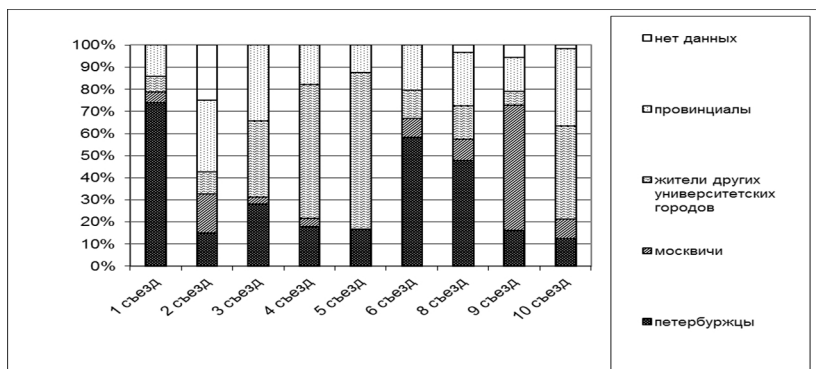

Рис. 3. Распределение участников съездов русских естествоиспытателей по месту жительства

В целом, есть некоторые основания полагать, что к концу 1890-х гг. доля провинциалов среди аудитории возросла по сравнению с первыми съездами. Возможно, еще важнее постоянное расширение географии участников съездов. Так, сравнив между собою два киевских съезда, прошедших с перерывом почти в тридцать лет (1871 и 1898), мы видим не просто значительное увеличение числа участников, но и резко выросший перечень населенных мест, откуда они прибыли.

Рис. 4. Населенные пункты, откуда приехали участники III съезда русских естествоиспытателей в Киеве (1871)

Среди участников III съезда менее 30 человек проживали за пределами университетских городов, а всего география населенных пунктов, где проживали члены съезда, насчитывала пятьдесят пунктов. На X же съезде провинциалов было не менее 415 человек, а список мест их проживания состоял из 224 городов и поселков.

Рис. 5. Населенные пункты, откуда приехали участники X съезда русских естествоиспытателей в Киеве (1898)

Значительный прирост аудитории сопровождался расширением тематики съездов. Помимо общих собраний, программа I съезда состояла из секций («отделов» или «отделений»), посвященных тем дисциплинам, которые уже институционально оформились в особые кафедры в российских университетах, - на съезде были секции математики и астрономии, физики и химии (уже на следующем съезде эта секция распадется на две самостоятельные), ботаники, зоологии, анатомии и физиологии, геологии и минералогии. На II съезде появились два новых отдела – медицины и технологии. Начиная с III съезда, отделение физики стало включать в себя также физическую географию, а отделение геологии и минералогии – палеонтологию. Особая секция антропологии была впервые сформирована на IV съезде в Казани, а позднее, на VI съезде она была преобразована в секцию географии, антропологии и этнографии. На VIII съезде в Петербурге (1889–1890) появились новые отделения научной гигиены и агрономии (совместно с ветеринарией). На IX съезде (Москва, 1894) в секции географии, антропологии и этнографии появилась подсекция статистики, а на X съезде (Киев, 1898) были образованы также подсекции метеорологии и воздухоплавания.

Большинство из этих дисциплин были так или иначе представлены в университетской программе. Однако такие направления, как научная гигиена, статистика, агрономия или антропология, привлекали к себе гораздо более широкие круги образованной общественности, что хорошо отражает состав аудитории этих секций и подсекций. Действительно, на X съезде в Киеве среди участников секций агрономии или статистики было гораздо больше провинциалов, нежели на съезде в целом, в то время как среди членов секции ботаники их было, наоборот, существенно меньше.

Таблица 1

**Участники из провинции на съездах русских естествоиспытателей
и врачей (к общему числу участников), %**

Направление исследований	III съезд, Киев, 1871	X съезд, Киев, 1898
Науки о жизни (секции ботаники, зоологии, анатомии и физиологии)	31,3	27,6
Геология и минералогия	35,3	33,7
Агрономия	–	64,2
Статистика	–	57,4
Медицина	9,1	22,8
Участники съезда в целом	20,4	38,1

Более тщательный анализ состава участников секций ботаники и агрономии позволяет увидеть некоторые другие интересные особенности институционализации этих наук в Российской империи.

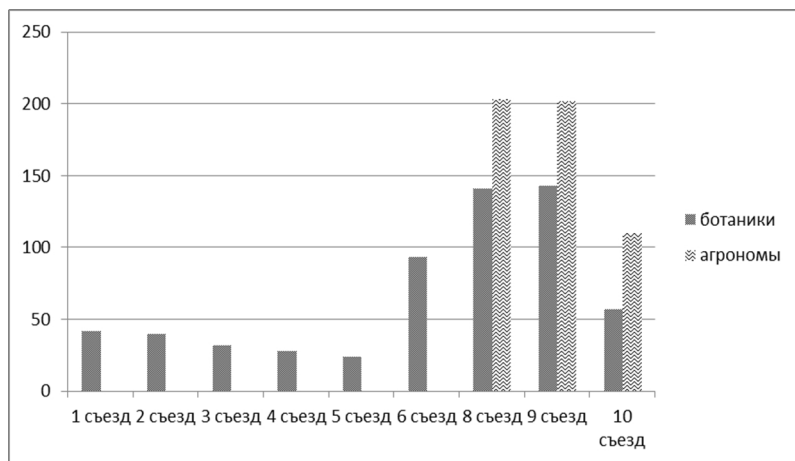

Рис. 6. Число участников секций ботаники и агрономии

Секция ботаники существовала с самого первого съезда естествоиспытателей. Рост числа ее членов соответствовал динамике роста аудитории съездов в целом. В отличие от секции зоологии, где московская и петербургская профессура всегда присутствовала на равных, в отделении ботаники доминировали, особенно на раннем этапе, представители Петербургского университета. Основу этой секции составляла небольшая группа лиц, пропустивших всего несколько встреч (не более трех из девяти съездов XIX в., для которых мы располагаем данными о составе участников). Почти всегда они не просто присутствовали на съезде, но выступали с докладами и/или председательствовали на заседаниях. Все они были связаны с Петербургом: Андрей Сергеевич Фаминцын (1835–1918), Андрей Николаевич Бекетов (1825–1902), Иван Парфенович Бородин (1847–1930), Христофор Яковлевич Гоби (1847–1920) преподавали в университете [27, 28, 29, 30]. Ученик Фаминцына и Бекетова Александр Федорович Баталин (1847–1896) окончил Петербургский университет и затем служил в Академии наук, где многие годы возглавлял Ботанический музей, а затем и Ботанический сад, и одновременно преподавал в Горном институте, а позднее в Военно-медицинской академии [31]. Михаил Степанович Воронин (1838–1903), хотя и

был на протяжении большей части своей научной карьеры независимым исследователем, окончил Петербургский университет и в дальнейшем поддерживал тесные связи и с ним, и с Академией наук [32]. Напротив, в число ботаников – постоянных участников съездов естествоиспытателей попал лишь один преподаватель Московского университета – Климент Аркадьевич Тимирязев (1843–1920). При этом весьма показательно, что, побывав на I съезде в Петербурге, К.А. Тимирязев затем не участвовал в этих встречах вплоть до 1879 г., пропустив, таким образом, четыре съезда подряд.

Напротив, секция агрономии возникла лишь на VIII съезде в Петербурге (1889–1890). С самого начала в нее записалось значительно больше участников, нежели по секции ботаники, а доля провинциалов в их составе была намного выше. Аудитория этого отделения не отличалась особым постоянством, однако и здесь можно выделить небольшую группу людей, посетивших все три проанализированных нами съезда (VIII, IX и X). Лишь один из них, Николай Павлович Адамов (1861–1912), принадлежал к числу преподавателей Петербургского университета, однако в 1890-е гг. его научная карьера только начиналась – он служил хранителем кабинета агрономии в этом университете. Двое других постоянных участников, Александр Васильевич Ключарев (1866–1932) и Алексей Федорович Фортунатов (1856–1925), преподавали во второй половине 1880-х – начале 1890-х гг. в Петровской сельскохозяйственной академии в Москве. Впрочем, в 1894 г. Фортунатов, с закрытием «Петровки», перебрался в Ново-Александровский институт сельского хозяйства (ныне г. Пулавы, Польша), где преподавал до 1899 г. [33, с. 405–410]. В Новой Александрии преподавал и другой член этой группы – Николай Михайлович Сибирцев (1860–1900). Научная карьера последнего началась в 1882 г. с участия в Нижегородской экспедиции В.В. Докучаева, у которого Сибирцев учился в Петербургском университете. По завершении исследования Сибирцев остался в Нижегородской губернии еще на несколько лет, служа в местном земстве, на средства которого им был создан естественноисторический музей в этом городе. В 1892 г. он ненадолго вернулся в Петербург, принял участие в Особой экспедиции Лесного департамента под руководством В.В. Докучаева, а затем по приглашению последнего перешел преподавателем в Ново-Александровский институт сельского хозяйства – В.В. Докучаев в это время как раз возглавил это учебное заведение. Наконец, еще три постоянных участника секции агрономии и

вовсе не принадлежали к числу преподавателей высшей школы – они служили в провинции учителями средних учебных заведений или агрономами.

Сходный вывод относится и к более широкой группе лиц, когда-либо принимавших участие в работе секций ботаники и агрономии. В отличие от членов отделения ботаники, очень немногие участники секции агрономии служили или учились в российских университетах: те из них, кто преподавал в высшей школе, были институционально связаны либо с Московской сельскохозяйственной академией (Петровской академией) или же (реже) с Ново-Александровским институтом. Учителя средней школы были примерно в одинаковой степени представлены среди участников обеих секций, но – как можно легко предсказать – значительную долю среди членов секции агрономии составляли практикующие специалисты в этой области, а также ветеринары и статистики, за редким исключением не интересовавшиеся работой секции ботаники.

Последнее наблюдение может служить подтверждением тезиса, недавно выдвинутого исследователями, специально занимающимися изучением институционального и концептуального становления отдельных научных дисциплин в России XIX – начала XX в. Как отмечают эти историки, в последние годы XIX – начале XX в. в Российской империи возникает целый ряд новых научных областей, институциональная база которых в этот период уже не совпадает с университетами. Такие науки, как физическая антропология или селекция растений, первоначально складываются именно как *общественные науки*, в том смысле, что их создатели видели в них нечто большее, чем чисто академический проект – эти отрасли познания должны были непосредственно служить решению социальных проблем, а к участию в них активно привлекались как исследователи-любители, так и практикующие специалисты [34, с. 310–334; 35, с. 39–53, 162]. Становление этих дисциплин знаменовало завершение периода, когда российские университеты были ведущим сектором в развитии науки в стране.

Безусловно, необходимо дальнейшее изучение этого вопроса, чтобы уверенно говорить о механизмах, определявших включение или исключение тех или иных исследователей, учреждений, социальных и профессиональных групп в сеть контактов, сформировавшихся на съездах естествоиспытателей. Важно понять, каким образом организаторы съездов формировали состав докладчиков, как принимались решения о создании новых отделений. В настоящее

время очевидно лишь то, что до конца 1880-х гг. университетская профессура играла решающую роль на съездах – из ее среды в основном выдвигались докладчики, в то время как среди слушателей численно преобладали врачи и преподаватели средней школы. Однако к 1890-1900-м гг., когда число участников резко возросло, а в программе появились новые научные направления, съезды русских естествоиспытателей и врачей стали привлекать к себе новый слой людей – специалистов в области агрономии, ветеринарии, лесоводства, статистики. Эти профессионалы, часто работавшие в провинции, за пределами университетских центров, сыграли важную роль в распространении и популяризации научного знания в Российской империи в первые десятилетия XX в.

Литература и источники

1. Fox R. The savant confronts his peers: scientific societies in France, 1815–1919 // The organization of science and technology in France 1808–1913, eds. R. Fox, G. Weisz. Cambridge: Cambridge University Press.
2. Casalena M.P. Opposizione e integrazione. La scienza nazionale nelle capitali e nelle province (XVIII–XIX secolo) // *Storicamente*. № 2, <http://www.storicamente.org/02casalena.htm>.
3. Casalena M.P. The congresses of Italian scientists between Europe and the Risorgimento (1839–75) // *Journal of Modern Italian Studies*. Vol. 12. № 2.
4. Withers Ch., Higgitt R., Finnegan D. Historical geographies of provincial science: themes in the setting and reception of the British Association for the Advancement of Science in Britain and Ireland, 1831 – c.1939 // *British journal for the history of science*. Vol. 41. No. 3.
5. Тихонович Н.Н. Съезды русских естествоиспытателей и врачей // *Очерки по истории геологических знаний*. Вып. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1953.
6. Бастракова М.С. Научное сообщество России во второй половине XIX в. (становление, особенности, облик) // *Архив истории науки и техники*. М.: Наука, 2007. Вып. 3.
7. Погосев А.В. Двадцатипятилетие (1861–1886) естественнаучных съездов в России. М., 1887.
8. Тихонович Н.Н. Съезды русских естествоиспытателей и врачей // *Очерки по истории геологических знаний*. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Вып. 1. С. 95–119.
9. Савчук В.С. Естественнаучные общества юга Российской империи: вторая половина XIX – начало XX в. Днепрпетровск: Изд-во ДДУ, 1994.
10. Любимов Н. Съезды естествоиспытателей в Швейцарии, Германии и Англии. М., 1869.
11. Второй съезд русских естествоиспытателей в Москве с 20-го по 30-е августа 1869 г. М., 1869.
12. VIII съезд русских естествоиспытателей и врачей в Санкт-Петербурге от 28 декабря 1889 г. до 7 января 1890 г. СПб., 1890.
13. Дневник XII съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве с 28-го декабря 1909 по 6-е января 1910 г. (1909–1910). № 2. М., 1909.
14. Общества естествоиспытателей при университетах дореволюционной России: к 125-летию начала деятельности. Л.: Институт истории естествознания и техники. Ленинградский отдел, 1990.
15. Речи и протоколы VI съезда русских естествоиспытателей и врачей в Санкт-Петербурге. СПб., 1880.
16. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 142. Д. 622.

17. *Труды* третьего съезда русских естествоиспытателей в Киеве, происходившего с 20 по 30 августа 1871 года. Киев, 1873.
18. *Труды* Всероссийского съезда деятелей по практической геологии и разведочному делу. СПб., 1908.
19. *Протоколы* заседаний Второго метеорологического съезда при Императорской Академии наук 11–17 января 1909 г. СПб., 1910.
20. *Митрофанова Е.Е.* Памяти С.М. Перяславцевой. Варшава, 1905.
21. *Борисяк А.А., Меннер В.В.* Мария Васильевна Павлова // *Вестник АН СССР*. 1939. № 6.
22. *Дневники* XII съезда рус. естествоиспытателей и врачей в Москве с 28-го дек. 1909 по 6-е янв. 1910 г. М., 1909–1910.
23. *Труды* V археологического съезда в Тифлисе. М., 1887. Т. 1.
24. *Труды* VI археологического съезда в Одессе. Одесса, 1886. Т. 1.
25. *Труды* XIV археологического съезда в Чернигове. М., 1911. Т. 3.
26. *Лебедев Г.С.* История отечественной археологии, 1700–1917. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992.
27. *Строгонов Б.П.* Андрей Сергеевич Фаминцын. 1835–1918. М., 1996.
28. *Щербакова А.А.* А.Н. Бекетов, выдающийся русский ботаник и общественный деятель. М., 1968.
29. *Маноilenко К.В.* Иван Парфеньевич Бородин. 1847–1930. М., 2005.
30. *Генкель П.А.* Христофор Яковлевич Гоби. 1847–1920. М., 1976.
31. *Майноленко К.В.* А.Ф. Баталин – выдающийся русский ботаник XIX в. М.; Л., 1962.
32. *Парнес В.А.* Михаил Степанович Воронин. 1838–1903. М., 1976.
33. *Никитин Н.П.* А.Ф. Фортунатов // *Экономическая география в СССР*. М., 1965.
34. *Елина О.* От царских садов до советских полей: история сельскохозяйственных опытных учреждений, XVIII – 20-е годы XX в.: В 2 тт. М., 2008. Т. 1.
35. *Могильнер М.* Homo impetii: история физической антропологии в России (конец XIX – начало XX в.). М.: Изд-во НЛЮ, 2008.

С.А. Некрылов

РОССИЙСКИЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ КОНТАКТЫ ПРОФЕССОРОВ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ОРГАНИЗАЦИИ НАУЧНОЙ РАБОТЫ И ПОВЫШЕНИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОЙ И НАУЧНОЙ КВАЛИФИКАЦИИ (на примере Императорского Томского университета)

Одной из форм организации научной работы и повышения преподавательской и научной квалификации являлись командировки профессоров, приват-доцентов, профессорских стипендиатов, учебно-вспомогательного персонала в пределах России (преимущественно в Петербург и Москву) и за границу, главным образом в научные и образовательные центры Германии, Франции, Англии, Италии, Австро-Венгрии и др. Они предполагали занятия в